

„РАДЫ КАЖДОЙ ВСТРЕЧЕ“

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

КАК УЖЕ сообщала наша газета, в Чебоксарах находились народные артисты Российской Федерации и Чувашской АССР, солисты балета Государственного академического Большого театра Союза ССР Надежда Павлова и Вячеслав Гордеев. В минувший четверг прославленные советские артисты танцевали главные партии в балете А. Адама «Жизель» на сцене музыкального театра, а на другой день участвовали в концерте для делегатов областной партийной конференции.

Перед отъездом Надежды Павловой и Вячеслава Гордеева в Москву с ними встретился и беседовал корреспондент «Советской Чувашии».

— Прежде чем задать вам свои вопросы — некоторые из них, кстати, подсказаны читателями газеты, проявляющими большой интерес к вашему творчеству, — хотелось бы поблагодарить вас за ту огромную радость, которую вы доставили всем, кому посчастливилось побывать на ваших выступлениях.

Павлова: И вам всем большое спасибо — за внимание, за теплоту и сердечность. Так мило и трогательно нас принимали, что от всего этого наш долг перед зрителями все более возрастает. На этот раз у нас было очень напряженно со временем. В среду мы танцевали на творческом вечере Юрия Николаевича Григорювича — главного балетмейстера нашего театра. Домой вернулись поздно, а рано утром следующего дня мы уже были в аэропорту, да еще вылет самолета задержался. Прилетели в Чебоксары сильно уставшими. Но ведь зрители, тем более земляки, этого знать не должны. Поэтому собрались, настроились, а когда почувствовали ту сердечную атмосферу, что царил в зале, и усталость словно рукой сняло.

Гордеев: Приятно, очень приятно танцевать, когда тебя ждут, когда понимают то, что ты исполняешь на сцене. Именно такова чебоксарская публика. И мы рады каждой такой встрече с нею. Насчет долга перед чебоксарцами Надежда верно сказала. А сего-

дня еще одно предложение мы получили. Только что к нам заходили гости из Алатыря — первый секретарь горкома партии В. И. Марзалюк и председатель горисполкома Ю. Н. Прикашиков. У нас, сказали они, есть отличный Дворец культуры и мы передаем просьбу всех алатырцев — в следующий приезд в Чувашию найти возможность выступить и в нашем городе. И мы эту просьбу приняли. Так что придется искать возможность и для того, чтобы сдержать данное алатырцам слово.

— Коль скоро вы заговорили о следующем приезде, хочу тут же спросить: а с чем приедете? И когда?

Гордеев: Сейчас сложно ответить, когда мы вновь приедем. Что же касается нашего творческого багажа — тут несколько проще. В «Жизели» мы уже танцевали раза четыре или пять. И хотя этот балет хорошо принимается публикой, наверное, будет правильно, если выступим и в каком-то другом спектакле. Мы обговаривали этот вопрос с руководителями нашего театра и решили, что будем танцевать в «Дон Кихоте». А как будет дальше — посмотрим. Все ведь зависит от возможностей музыкального театра.

Павлова: «Дон Кихот» — это, конечно, еще не окончательное решение. Потому надо оговориться: если не вдруг получится с этим балетом — ведь нам, не забывайте, придется входить в спектакль, находить общий язык с труппой, а получится ли сразу, это тоже вопрос, — то прежде покажем концертную программу.

Гордеев: Верно. Такая оговорка нужна. А то пообещаем, да вдруг не сдержим слово. Главное, пожалуй, в том, что мы здесь не в последний раз и что наша публика любит балет. Приложить все остальное уже проще.

— Только-только начался новый год. Расскажите, пожалуйста, о том, чем для вас был примечателен год минувший?

Павлова: 1983 год примечателен был тем, что он сложился несколько необычно. Как и прежде, мы много танцевали в спектаклях Большого театра, но новым балетом для нас стала только «Шопениана». К сожалению, других премьер у нас не было. Таким уж сложился репертуар года. У театра свои творческие планы, а они не всегда совпадают с планами и желаниями отдельных артистов.

Гордеев: Отсутствие премьер мы восполнили двумя концертными программами. Первую мы показали в марте. Это был наш творческий отчет за время, прошедшее после Международного конкурса артистов балета, который принес нам звание лауреатов. А вторую концертную программу мы показали на недавно завершившемся в Москве фестивале «Русская зима». Причем, если первая программа была составлена преимущественно из современной хореографии, то вторая включила в себя только классические произведения. Это были хорошо известные произведения, почему-то редко исполняемые или вовсе ныне не исполняющиеся. Тем они и привлекли наше внимание. Назову некоторые из них. Это, например, фрагменты из «Пахиты» Минкуса, третий акт «Лебединого озера» Чайковского, Па де труа из «Океана желаний» Пуни, хореографическая картина «Вальпургиева ночь» из оперы Гуно «Фауст», «Умирающий лебедь» Сен-Санса. Удивительно легко нам работалось — за месяц подготовили программу. И не нам об этом говорить, но она принята москвичами очень тепло.

Да, вероятно, надо бы сказать и о выступлениях далеко от Москвы. Их тоже было много. Вместе со всей балетной труппой Большого театра мы гастроллировали в Австрии, ФРГ и Японии, отдельными группами ездили в Италию и Западный Берлин.

В нашей стране выступали в Хабаровске, Владивостоке, Ташкенте... Словом, обширной была география поездок.

— Кстати, где приятнее и ответственнее танцевать — перед советской публикой или зарубежной?

Павлова: Да у нас, пожалуй, и нет такого деления. Мы везде танцуем с удовольствием и одинаковой ответственностью. Одно мы знаем твердо: надо танцевать хорошо, надо, как говорится, держать марку.

Гордеев: Этого от нас ждет публика. Она не терпит фальши, не любит, когда артист что-то делает вполсилы. Поэтому стараемся и в репетиционном зале работать с полной нагрузкой, и на сцене танцевать на пределе. Тем более, что к нам, как и ко всем артистам-лауреатам, требования со стороны зрителей особые.

Правда, и здесь есть одна тонкость. Она касается публики, вернее того, как публика понимает балет. Видишь равнодушные — настроение одно, видишь горячую заинтересованность — настроение другое. По своему опыту знаю: если в городе есть свой балет, значит, публика разбирается в этом виде искусства, нет своего — публика только приобщается, чего-то она пока может и не понять. Но и в этом случае артист не может дать себе послабления.

Зритель бывает разный. Вспоминается мне один случай, который произошел в Аргентине. Публика там весьма горячая, впрочем, как и на обоих американских континентах. Так вот, после одного спектакля выходим мы из театра, естественно, в окружении возбужденной толпы, садимся в автомашину, а тронуться с места не можем, площадь перед театром загроужена. Тогда шофер выходит из машины и просит публику подтолкнуть. Метров тридцать толкали машину, пока шофер не завел ее. Спрашиваю его, не случилось

ли чего-нибудь с мотором? Он улыбнулся и говорит: «А зачем впустую стартер гонять? Надо энергию толпы использовать!»

— Давайте еще раз вернемся к 1983 году. По-моему, в прошлом году вы должны были закончить свое учение в вузах?

Павлова: Все так, но поскольку это касается только нас... Я получила диплом хореографа-репетитора в Государственном институте театрального искусства, а Слава теперь ваш коллега — окончил факультет журналистики Московского университета.

— Трудно было совмещать репетиции, выступления, гастроли, учебные занятия, экзамены?

Гордеев: Конечно, нелегко. Но, как говорится, взялся за гуж...

— Не посчитайте за комплимент, Вячеслав Михайлович. Журналист со знанием балетного искусства, это очень хорошо. Но как же с хореографией, ведь вы, насколько мне известно, пробовали себя в ней?

Гордеев: Пока трудно сказать что-либо определенное. Ставил балетные миниатюры, и интерес к этому есть. Как говорится, поживем — увидим. Хочу попробовать себя как балетмейстер на предстоящем конкурсе, но сделаю это лишь в том случае, если найду подходящих исполнителей.

А почему бы самому не станцевать?

Гордеев: Это сложно. Как танцовщик я невольно ушел в себе балетмейстера. Ведь самому на себя невозможно посмотреть толком, хотя и репетируем перед зеркалом. Да и невольно могу внести некоторые штампы в исполнение. А если мою хореографию будет танцевать кто-то другой, я, во-первых, смогу сам увидеть все достоинства и просчеты своего творения, во-вторых, смогу потребовать от исполнителя того, что мне, как балетмейстеру, нужно. Конечно, бывает, что и сам балетмейстер танцует в своей постановке, но это или потом, когда вещь уже сложилась и обкатана, или тогда, когда хореограф является большим мастером. Я о себе пока не могу так думать...

Провел интервью Н. ПЕЙКОВ.